

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей истории религии

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

Выпуск 14

Санкт-Петербург
2014

УДК
2
27
281.93
29
291.212.4
7.046.3

Т 78

Редакционная коллегия: Л. А. Мусиенко (ответственный редактор),
Н. В. Ревуненкова, Е. А. Терюкова (научный редактор), М. М. Шахнович,
И. Х. Черняк.

Печатается по решению ученого совета Государственного музея истории
религии.

Труды Государственного музея истории религии.
Вып. 14 — СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2014. — 350 с.

ISBN 9-785-7937-1088-6

В настоящем выпуске «Трудов ГМИР» представлены статьи, посвященные
изучению собрания музея, истории внешних сношений Русской православ-
ной церкви, сакральной символике, а также публикуются материалы конфе-
ренции «Религия и власть». Издание рассчитано на историков, философов,
археологов, искусствоведов и музейных работников.

Фотография на обложке: Скульптура духа – «хозяина тайги» дусэ. Хаба-
ровский край, Ульчский р-н, с. Кольчем. Середина XX в. Ульчи. Инв. №А-1322-1

ISBN 9-785-7937-1088-6

© Государственный музей истории религии, 2014

Исключительные права
на все воспроизведенные музейные предметы
принадлежат Государственному музею истории религии

А. В. ПАНЕЯХ

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Музей истории религии, созданный в 1932 г. в системе Академии наук, подобно другим академическим институтам с самого начала предполагал иметь в своем составе научную библиотеку. В отчете по музею за 1932 г. уже значилось, что создается библиотека на 5–5, 5 тыс. томов.¹ Для этого первый директор музея, известный ученый этнограф В. Г. Богораз-Тан, обратился в ведущие библиотеки страны: Антирелигиозное отделение Государственной Публичной библиотеки, Библиотеку Академии наук СССР, Институт книги, документа и письма АН СССР, Общеузовскую (бывшую Университетскую) библиотеку, а также в Российскую книжную палату и в Ленинградский книжный фонд с просьбой передать во вновь образованный музей книги и периодические издания из дублетных фондов, имеющие отношение к вопросам истории религии, культа и атеизма. Уже через два года библиотека музея насчитывала 5 000 томов, в том числе книги старопечатные, рукописные и современные.

К началу Великой Отечественной войны, то есть всего через девять лет после основания Музея истории религии, первоначальный план по количеству томов в библиотеке был намного перевыполнен, и книжные фонды достигали уже примерно 17 тысяч единиц. С самого начала был задан вектор на создание не вспомогательной музейной, а именно научной гуманитарной отраслевой библиотеки.

С приходом же в 1946 г. нового директора музея В. Д. Бонч-Бруевича были поставлены новые цели, задачи и общая стратегия развития научной библиотеки. Была сформулирована идея о том, что не только музей должен стать самым крупным центром собирания, хранения и изучения материалов и артефактов по истории религии разных стран, времен и народов, но и библиотека должна стать крупнейшим в СССР собранием научной историко-религиозной литературы.

«Сообщаю Вам, что в Музее истории религии осенью с. г. будут готовы помещения для библиотеки, которая является единственной в Советском Союзе библиотекой по истории религии и атеизма. Она состоит из ценнейших собраний, в которые влились богатейшие книжные поступления бывшего Центрального антирелигиозного музея, собрания различных учреждений, уникальные сотни тысяч томов иностранной литературы, полученных после Великой Отечественной войны. Таким образом, в Музее сосредоточено

огромное количество книг по истории религии и атеизма, по своему значению далеко выходящих за пределы Советского Союза. Надеюсь, что удастся создать в Музее истории религии специализированную библиотеку, которая будет иметь мировое значение», — писал В. Д. Бонч-Бруевич председателю Библиотечного совета АН СССР академику В. П. Волгину². В другом письме он сообщал директору Библиотеки Академии наук СССР Г. А. Чеботареву: «...я принимаю всяческие меры для создания в Музее... единственной в мире библиотеки по истории религии и атеизма»³.

Надо сказать, что для реализации этой цели В. Д. Бонч-Бруевич подходил как нельзя лучше, потому что в личности этого человека счастливо сочетались его жизненный опыт, научные интересы и личные увлечения. Во-первых, он имел большой административный опыт как инициатор создания и первый директор (1933—1945) Государственного литературного музея в Москве; во-вторых, он довольно рано, сразу после смерти Ленина, стал заниматься научной работой и был автором сочинений по истории революционного движения в России, истории религии и атеизма, сектантству, этнографии и литературе. Наконец, третье существенное обстоятельство — это то, что Владимир Дмитриевич был книголюбом, библиофилом, всю жизнь собирал домашнюю библиотеку, разбирался в старых и редких книгах. Все эти обстоятельства, а также его эрудиция и научные связи способствовали тому, что у В. Д. Бонч-Бруевича сложился научный, систематический подход к комплектованию библиотеки Музея истории религии. Начался быстрый рост фонда библиотеки музея и пополнение его ценнейшими коллекциями: дореволюционными богословскими периодическими изданиями и журналами, старообрядческими книгами, ма-сонской литературой, прижизненными изданиями русских философов 20-х гг. XX в., изданиями Библии Всемирного и Российского Библейских обществ; личными библиотеками известных ученых и т. п.

Целью нашей статьи является проследить историю одной из самых ценных и полных коллекций — библиотеки Императорского православного палестинского общества (ИППО). В отличие от других тематических книжных собраний, она сохранилась в составе Научной библиотеке ГМИР именно как цельная коллекция, то есть имеет свои шифры, особую отличную от всего остального книжного фонда систематизацию, заинвентаризирована в отдельные инвентари и числится в самостоятельных каталогах: алфавитном и систематическом. Все издания библиотеки ИППО имеют характерные переплеты с красными корешками и наклейки-экслибрисы с изображением эмблемы Императорского православного палестинского общества.

История библиотеки ИППО сложная и довольно запутанная. Весь дореволюционный период и некоторое время после 1917 г. она находилась в Петербурге и представляла собой прекрасно скомплектованное собрание книг, периодических изданий, оттисков, брошюр, газетных вырезок, атласов, альбомов. В коллекции были представлены исследования по богословским

наукам, церковной археологии и истории, палестиноведению, библеистике, паломническим поездкам, палеографии, философии, языкознанию, истории искусств и многое другое. Точное количество фонда пока установить не удалось, примерно он насчитывал 25 000 единиц хранения. В 1907 г. был издан двухтомный систематический каталог ее фондов, а в 1913 г. — дополнение к нему. Кроме этих каталогов в библиотеке ГМИР имеется еще один том, отпечатанный на машинке и переплетенный, скорее всего в 1950-е гг., в котором указаны издания, не вошедшие в предыдущие тома⁴.

С середины 20-х гг. XX в. имущество ИППО вместе с библиотекой переходило под разные юрисдикции и перемещались в различные помещения, сначала в Государственную Академию истории материальной культуры, потом в Институт востоковедения АН СССР и в Библиотеку Академии наук. При этом ценнейшая по своему составу библиотека ИППО не была расставлена на стеллажах в книгохранилищах, а хранилась штабелями в пачках без каких-либо описей и подсчета единиц хранения. В дальнейшем часть книг попала в эти академические институты, но инвентаризация не проводилась, поэтому назвать точные цифры не представлялось возможным. Позднее, в 50-е гг. часть книг Палестинского общества была передана из этих институтов в Москву для центральной организации Российского палестинского общества. Отбором книг занимался ученый секретарь общества с разрешения директора БАН СССР академика Д. В. Наливкина, поскольку с 1952 г. библиотеки академических институтов вошли в состав сети академических библиотек и по существу с тех пор являются филиалами БАН⁵. Сколько книг было отобрано в конечном счете, по какому принципу шел этот отбор и где эти книги сейчас, неизвестно, так как помещением для расстановки библиотеки Палестинское общество в Москве не располагало.

К счастью история передачи библиотеки ИППО в Музей истории религии может быть реконструирована более подробно, так как сохранилась обширная переписка директора музея В. Д. Бонч-Бруевича с различными организациями и сотрудниками музея в Ленинграде. Дело в том, что В. Д. Бонч-Бруевич жил в Москве и одновременно исполнял обязанности директора МИР в Ленинграде и заведующего сектором Истории религии в Институте истории АН СССР. Как только до него дошли сведения о местонахождении библиотеки ИППО, В. Д. Бонч-Бруевич, прекрасно понимая ценность этого собрания, моментально начал действовать. Так, в начале ноября 1952 г. он пишет своему заместителю по научной части М. И. Шахновичу о том, что к нему недавно приезжал сотрудник Иностранного отдела Академии наук и предложил для музея «... получить очень большую часть библиотеки Палестинского общества, причем на все эти книги... точит зубы Московская патриархия, которая хочет захватить эти книги для своей библиотеки в Троицко-Сергиевой лавре. Конечно, этого претендента, по нашей Конституции, не следует поддерживать. Я, конечно, изъявил полное желание, чтобы эти книги из библиотеки Палестинского обще-

ства были доставлены в Музей истории религии, они принадлежат Академии наук, находятся на хранении в Библиотеке Академии наук. На днях я напишу письмо академику А. В. Топчиеву по этому поводу, а также в Иностранный отдел. Академия наук СССР со своей стороны возбудит ходатайство по этому поводу перед Президиумом. Очень прошу, чтобы М. Д. Захарова (с 1951 г. пришла на должность библиотекаря в МИР — *А. П.*), никто другой не чинили препятствий в принятии к нам этих книг»⁶. В. Д. Бонч-Бруевич направляет официальное письмо главному ученому секретарю Президиума АН СССР акад. А. В. Топчиеву «Мне стало известно, что в Иностранном отделе АН СССР в настоящее время находится на временном хранении так называемая «Библиотека Палестинского общества». Список на часть книг из этой библиотеки я только что вчера читал и подробно с ними ознакомился. Все эти книги в высшей степени нужны для Музея истории религии в Ленинграде, это очень хорошая библиотека по нашим вопросам. <...> очень прошу разрешить все книги библиотеки Палестинского общества передать в библиотеку МИР, которая в конечном счете принадлежит Библиотеке Академии наук, и таким образом эти книги не уйдут из системы Академии наук, а всем нам, специалистам, по вопросам истории религии и атеизма, принесут большую пользу»⁷.

Поскольку только с 10 ноября 1951 г. в Музее истории религии стала работать библиотекарь М. Д. Захарова, прикомандированная из БАН, то директор музея В. Д. Бонч-Бруевич очень беспокоился за судьбу книжной коллекции ИППО. Надо сказать, что основания для беспокойства у него были. Уже было несколько случаев, когда М. Д. Захарова отказывалась от предложенных музеем книг, например, коллекции Библий на разных языках разных годов издания, относясь к ним как к богослужебной литературе и не понимая их значения для изучения истории религии. По этому поводу В. Д. Бонч-Бруевич писал своему заместителю по научной работе М. И. Шахновичу: «Я никогда не слышал, что М. Д. Захарова является специалистом по нашему предмету и по нашим дисциплинам, и у нее имеется на этот счет свое мнение, для нас совершенно неприемлемое. Так например, в этом фонде (в БАН — *А. П.*), как оказалось, имеется комплект библий на разных языках и различных изданий разных веков. Но М. Д. Захарова заявила в БАНе, что вот эти книги она никогда не примет. Для меня совершенно очевидно, что эта молодая женщина, зараженная нигилизмом безбожничества, думает, что библия это церковная книга, которой можно пренебречь в нашей библиотеке. Хотя, Вы, конечно, должны знать, что библия является одной из важных книг для изучения вопросов религии и что собрать все библии во всех изданиях, на всех языках, всех веков и всех народов — наша святая обязанность»⁸.

У М. Д. Захаровой также был формальный подход, принятый в БАН, по поводу дублетных книг, которые надо было отбраковывать, что приводило к утрате цельности коллекций. В. Д. Бонч-Бруевич справедливо считал, что к личным библиотекам крупных ученых, а также к другим тематическим

книжным собраниям нужно подходить бережно и научно. В одном из писем к М. Д. Захаровой он писал: «мы будем их рассматривать с величайшей осторожностью и по возможности не разразнивать, особенно частных лиц, так как там могут быть ценные заметки на полях и пр.»⁹.

Опасаясь некомпетентности, В. Д. Бонч-Бруевич просил установить такой порядок, чтобы комплектование библиотеки музея контролировалось специалистами, научными сотрудниками МИРа и заместителем директора по науке М. И. Шахновичем. Что же касается библиотеки Палестинского общества, то он попросил научного сотрудника В. Я. Рамма «...и других товарищей разобрать эти книги, крайне необходимые для всевозможных научных исследований по вопросам религиозно-общественных движений»¹⁰. Беспокоясь также за сохранение целостности коллекции библиотеки ИППО, В. Д. Бонч-Бруевич торопился как можно скорее забрать все книги и перенести их в помещение музея в Казанском соборе. «М. Д. Захаровой надо будет помочь в этой разборке книг... Вот пока и все по этому серьезному библиотечному вопросу, Вас прошу не оставлять его без самого пристального внимания и сообщить, как Вы утрясли это дело и мне сообщить, когда книги из БАН, а также из библиотеки Палестинского общества будут передвинуты к нам в музей. Это надо сделать на этих днях обязательно», — писал он своему заместителю по научной части¹¹.

Но сотрудники в Ленинграде не могли сразу принять коллекцию из-за чрезвычайно неблагоприятных условий, касающихся плачевного состояния здания Казанского собора и отсутствия помещений для расстановки книг. Дело в том, что вопрос о капитальном ремонте здания после Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда очень затянулся и, несмотря на все усилия В. Д. Бонч-Бруевича в Москве и его заместителя М. И. Шахновича в Ленинграде, почти не двигался. Объем необходимых работ был колоссальным: надо было починить купол, перекрыть крышу, наладить центральное отопление и электроснабжение, освободить подвалы и оборудовать их под хранилища, отремонтировать чердачные помещения и сделать косметический ремонт внутри здания. Поэтому М. И. Шахнович писал в Москву: «В мыслях мы все видим гигантскую библиотеку по истории религий, превосходно оборудованную, а в реальности у нас нет ни одного стеллажа. Помещение для библиотеки не оборудовано, никуда ничего нельзя привозить, ибо ставить некуда. Пожарная охрана еженедельно устраивает С. М. Козенко (зам. по хозяйству — А. П.) истерику по поводу того, что он хранит книги в помещениях, не приспособленных для этого. Есть акты, которые угрожают по линии пожарной охраны различными штрафами... То, что мы уже сейчас допустили, завезя иностранную библиотеку в помещение чердака, который завалили этими книгами, является преступлением, но в 1948 г., когда это ценнейшее собрание хотели уничтожить, мы с Козенко спасли эти книги и взяли их на чердак, а иначе бы их из БАН увезли на перемол, а теперь мы имеем бесконечные претензии со стороны пожарной охраны, что их надо убрать. Мы имеем возможность принимать

очень много книг и очень много библиотек, но когда будут эти помещения приспособлены для этой цели». М. И. Шахнович объяснял, что Захарова несет материальную ответственность за каждую книгу и не может сейчас принимать новые коллекции, так как нет ни помещения для размещения библиотеки, ни стеллажей. Имевшиеся уже книги были сложены в чердачных неотапливаемых помещениях на полу, где, конечно, портились. «Но ввиду того, что Вы так настойчиво требуете, то Козенко согласен принять любое количество книг при наличии двух документов: 1) что за сохранность отвечает БАН, а не мы; 2) документ, что пожарная охрана разрешает брать эти книги... У нас негде сидеть, не только ставить книги. Конечно, библиотеку Палестинского общества и т. п. упускать нельзя, библиотеку ЦАМа надо перевозить, но все это возможно, если будет вестись оборудование кладовых (тогда предполагался переезд и передвижение фондов — *А. П.*)»¹².

Однако В. Д. Бонч-Бруевич продолжал настаивать на скорейшем перемещении книг в Музей истории религии, руководствуясь другими соображениями и, очевидно, зная судьбу Палестинской библиотеки, которая дробилась, утрачивалась, а с 20-х гг. XX в. была законсервирована и недоступна для научного изучения. Он приводил в письме М. И. Шахновичу свои аргументы: «Я не знаю полностью расположения Казанского собора, но просто представить себе не могу, что в такой громадной машине нельзя где-либо в 1-ом этаже организовать нужную площадь для временного склада книг. Скажите, можно ли нам будет существовать на свете, когда мы будем знать, что по нашему нерадению более 100 тысяч книг, которые нам нужны и которые отчасти были осмотрены Раммом Б. Я. только из-за того, что нам негде их держать, отправят на перемол на фабрику?! Вы в свое время сделали огромное дело, и это Вам историей зачтется, что Вы спасли иностранную библиотеку, где были весьма редкие книги, как например, индексы по католицизму, а также инкунабулы и все другое, что нам теперь так нужно и, конечно, в каждой библиотеке всегда найдется много таких редких и нужных книг. Но вот также нужно сделать сейчас с библиотекой БАН и с Палестинской библиотекой. Их надо перевезти, потому что они приговорены к смерти, с ними не будут церемониться, и в один прекрасный день мы узнаем, что их вывезли на фабрику для размолы, и мы тогда поймем, что были участниками ужасного преступления. Вот почему я прошу Вас подумать, нельзя ли в нижнем или среднем этаже найти место и сложить эти книги до открытия библиотечных помещений, о которых я Вам писал»¹³. Заведующей же библиотекой М. Д. Захаровой В. Д. Бонч-Бруевич писал, что знает о том, что из библиотеки Палестинского общества, сложенной в БАН, частично дают книги патриарху¹⁴, на что она отвечала, что директор БАН Г. А. Чеботарев согласен передать Палестинскую библиотеку в музей полностью, но вопрос надо решать с академиком Топчиевым, так как эти книги не принадлежат БАН, а только складированы у них. «Конечно, очень жаль, если эту ценную библиотеку разбазарят, и мы получим только часть книг,

но надеюсь, что при вашем содействии перед акад. Топчиевым, мы получим эту библиотеку полностью»¹⁵.

Кроме отсутствия помещения для библиотеки музея в течение нескольких лет стоял вопрос о необходимости заказать и изготовить стеллажи для книг. Директор В. Д. Бонч-Бруевич постоянно писал в разные инстанции. Сначала ему отказывали, так как не могли найти предприятие, которое взялось бы за изготовление металлических стеллажей. Потом решили делать деревянные, но то не было денег на их изготовление, то не могли найти исполнителей. Обращались в мастерские БАН, обещали все оплатить и просили выполнить заказ в качестве договорной работы. Но и здесь были бесконечные проволочки, так что В. Д. Бонч-Бруевич в Москве подключал Президиум Академии наук СССР, а его заместитель М. И. Шахнович в Ленинграде обращался в городские и областные партийные организации, стараясь добиться ремонта Казанского собора и изготовления необходимого оборудования. «Знайте, что я очень хочу, чтобы библиотека наша была бы оборудована самым лучшим образом. Вы знаете, как трудно это делается в Академии, но я все же добьюсь всего, лишь бы быть здоровым, а вот я стал похварывать, хотя теперь лучше. Но твердо помните, что я Ваш всегдашний помощник, ибо считаю создание библиотеки и рукописного отделения важнейшими делами по Музею», — писал В. Д. Бонч-Бруевич заведующей библиотекой М. Д. Захаровой. Он также просил ее составить список всего необходимого и переговорить с М. И. Шахновичем о включении в смету музея оборудования для библиотеки¹⁶.

В самом конце 1952 г. многочисленные хлопоты завершились успехом. 20 декабря В. Д. Бонч-Бруевич получил официальное письмо из Российского палестинского общества при АН СССР. В нем сообщалось, что «Совет Российского палестинского общества при АН СССР, учитывая ваши пожелания, выражает согласие на передачу Музею истории религии АН СССР книг библиотеки бывш. Императорского православного палестинского общества согласно приложенному списку. Музей Истории религии АН СССР сможет получить указанные книги сразу же после того, как БАН закончит их разбор и переучет. В соответствии с вышеизложенным, директору БАН буду даны необходимые указания»¹⁷. К письму был приложен машинописный список книг на девяти страницах. Список был устроен систематически по разделам: Священное писание; Введение в круг богословских наук; Пасторское богословие и церковное право; Справочный отдел по богословию; Церковная история с подразделами: Общие курсы, статьи, обзоры и очерки по истории церкви, История христианской церкви, Церковь римско-католическая, История русской церкви; Древняя история; История средних веков; История нового и новейшего времени.

В. Д. Бонч-Бруевич сразу же сообщает М. Д. Захаровой, что вопрос с Палестинской библиотекой решился положительно: «Нам выдают почти все книги из их библиотеки. Прошу вас с этой бумагой Топчиева и со списком пойти в БАН и там все устроить и сговориться, а мне сообщить о результатах.

Хорошие книги поступают к нам из этой библиотеки. Если будете составлять опись, пришлите мне»¹⁸.

Казалось бы, вопрос решен, и все усилия, наконец, увенчались успехом, но через полтора месяца 14 февраля следующего 1953 г. на вопрос директора, обращенный к заведующей библиотекой МИРа, как обстоят дела с Палестинской библиотекой, В. Д. Бонч-Бруевич получает неожиданный ответ: «Принятие Палестинской библиотеки зависит сейчас не от меня, а от дирекции БАН. Книги ИППО заложены сейчас другими книгами, и директор Чеботарев Г. А. сказал, что как только они разберут другие книги, то известят меня, так как у Чеботарева есть постановление акад. Топчиева о передаче части книг нам. Все тот же наболевший вопрос — отсутствие стеллажей мешает мне форсировать этот вопрос»¹⁹. Еще через месяц, 13 марта, В. Д. Бонч-Бруевич опять интересуется: «Как дела с принятием библиотеки Палестинского общества? Торопите дирекцию БАН. Как вопрос со стеллажами? Спросите А. В. Модзалевскую (бухгалтер — *А. П.*) есть ли у нее средства на стеллажи для библиотеки, сколько и сообщите мне»²⁰. И еще через месяц, 16 апреля, он вновь задает тот же вопрос. Дело застопорилось, как мы видим, по разным причинам, и 10 мая 1953 г. он опять пишет в письме: «...скорей бы получить "Палестинскую библиотеку"»²¹. 6 июня 1953 г. свершилось знаменательное событие: библиотека, наконец, получила новое отремонтированное помещение. В. Д. Бонч-Бруевич очень этому радуется и снова и снова каждые две недели спрашивает о судьбе Палестинской библиотеки, просит ускорить ее передачу в музей.

Лишь 20 января 1954 г., то есть спустя более года после начала переговоров о передаче ценнейшей библиотеки в музей, он получает от М. Д. Захаровой известие, что она с научными сотрудниками начали разбирать библиотеку ИППО в книгохранилище Библиотеки Академии наук, намерены перевезти ее в музей в феврале и дальше в течение года ее обрабатывать. Также наконец удалось добиться того, что БАН передала музею 20 шкафов во временное пользование. Однако шкафы очень узкие и, хотя занимают мало места, но, к сожалению, низкие²². Позднее она сообщает: «Разбор Палестинской библиотеки мы в Библиотеке Академии наук СССР закончили. Книги сейчас там отбирают и в ближайшие дни начнут паковать. Получим мы книг значительно больше, чем указано в списке, подписанным акад. Топчиевым»²³. В. Д. Бонч-Бруевич моментально реагирует: «Радуюсь, что Палестинская библиотека в большом объеме поступает, наконец, к нам. Это очень хорошая библиотека»²⁴.

К тому времени директор наладил переписку не только со своим заместителем по науке, но и со всеми сотрудниками музея, в том числе, он активно переписывается с заведующей библиотекой, требуя, чтобы она отчитывалась ему о проделанной работе как можно чаще, хотя бы не реже двух раз в месяц. 2 марта 1954 г. она пишет: «В пятницу нам перевезли первую партию книг. Все книги мы подняли наверх в библиотеку, но расставить всю Палестинскую

библиотеку мы не сможем из-за отсутствия стеллажей. Мне бы очень хотелось обработать эту библиотеку, пока у нас работают внештатные сотрудники (были прикомандированы из БАН — А. П.)»²⁵. В. Д. Бонч-Бруевич вникал во все детали, давал ценные советы, помогал по административной линии и одновременно продолжал собирать литературу для музейной библиотеки, где только возможно. Он обращался с письмами к директорам библиотек разного уровня, к директорам музеев, к частным лицам, имевшим хорошо составленные личные библиотеки, в издательства, в посольства зарубежных стран и пр. с просьбами передать дублетные, непрофильные, а также новые книги по широкому кругу тем, связанных с религией и атеизмом. Он направлял ящики с книгами в музей из Москвы и очень радовался ценнейшим приобретениям.

Однако в Ленинграде, похоже, его энтузиазма не разделяли. «Многоуважаемый Владимир Дмитриевич! — писала М. Д. Захарова. — В Музее были недавно представители Управы Пожарной охраны г. Ленинграда и приказали нам разобрать все книги, находящиеся на чердаке, а Вы знаете, их ведь там десятки тысяч... Вместить все книги нет возможности, так как у меня буквально все уголки заняты Палестинской библиотекой. Места в Музее больше нигде нет. По распоряжению БАН мы сейчас должны разобрать Палестинскую библиотеку и отметить, что нам передали в печатном каталоге Палестинской библиотеки. Мы должны эти сведения послать академику Топчиеву. Обработка книг Палестинской библиотеки при наличии даже внештатных сотрудников займет у нас весь 1954 год»²⁶.

Между тем, попытки изготовить стеллажи велись уже несколько лет, и В. Д. Бонч-Бруевич заверяет заведующую библиотекой, что «решительно всем написал, и мне обещали помочь. Я говорю о деревянных стеллажах, так как железные никто не берется делать»²⁷. И, тем не менее, директор торопится, ему не терпится как можно скорее ввести Палестинскую библиотеку в научный оборот, сделать ее, наконец, доступной для исследователей: «...надо летом разобрать Палестинскую библиотеку как можно больше, а также перенести все в библиотеку и продолжать разбирать непрерывно круглый год. Это надо будет сделать обязательно»²⁸.

Проходит еще девять месяцев, наступает уже 1955 г., а работа по разбору Палестинской библиотеки все продолжается. Коллекция действительно огромная, она насчитывает более 10 тысяч единиц хранения, фактически это отдельная библиотека внутри музейной библиотеки. Содержание ее чрезвычайно сложное: это и различные виды изданий, встречается и не совсем обычный формат, когда газетные или журнальные вырезки наклеены на страницы и переплетены, и многообразие языков изданий, в том числе латинский, древнегреческий, древнееврейский и т. д., сложная систематизация и пр. Кроме того, работу по ее разбору замедляют объективные причины: отсутствие стеллажей, отсутствие штатных сотрудников библиотеки МИР и, конечно, нехватка специалистов.

И, тем не менее, большой объем работы уже сделан, все книги записаны: «...продолжаем работать с Палестинской библиотекой, которую не успели заинвентаризировать внештатные сотрудники, так как в Библиотеке Академии наук средства на инвентаризацию в июне месяце были все израсходованы. Нам осталось обработать оттиски и журналы. Оттиски Палестинской библиотеки чрезвычайно интересные», — пишет 4 февраля 1955 г. М. Д. Захарова²⁹. «Очень хорошо, что Вы продолжаете работу с Палестинской библиотекой. Оттиски и журналы очень нужны и важны, их надо хорошенько обработать, они очень удобны для исследователей», — отвечает ей В. Д. Бонч-Бруевич³⁰.

К сожалению, Владимир Дмитриевич не дожил до того времени, когда огромное ценное собрание Палестинской библиотеки, имеющее в своем составе много редких книг, было полностью обработано, описано и расставлено в дорогой его сердцу Научной библиотеке Музея истории религии. Он умер в Москве 14 июля 1955 г. в возрасте 82 лет. Но ему принадлежит заслуга создания большой по своему объему (около 180 000 ед.) и ценной по содержанию Научной библиотеки музея, которая действительно, как мечтал В. Д. Бонч-Бруевич, стала единственной самой крупной в СССР отраслевой библиотекой по комплексному изучению верований и религий на широком историко-культурном фоне.

Сегодня спасенное его усилиями от дальнейшего разорения книжное собрание Императорского православного палестинского общества занимает достойное место в ряду других раритетных изданий в коллекции Научной библиотеки ГМИР и является предметом научного изучения и описания³¹.

Примечания

- ¹ СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.
- ² СПФ АРАН. Ф. 221. Д. 211. Л. 115.
- ³ СПФ АРАН. Ф. 221. Д. 214. Л. 13.
- ⁴ Систематический каталог Императорского православного палестинского общества. Т. 1: Отделы А-М; Т. 2: Отдел Н. СПб., 1907; Дополнение к 1 и 2 тт. (за 1908–1912 годы). Отделы А-Н. СПб., 1913.
- ⁵ Клецук С. Е. Как разоряли библиотеку: из истории современности // Научные и технические библиотеки. 1992. № 8. С. 62–67.
- ⁶ СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 209. Л. 224 об.
- ⁷ СПФ АРАН. Ф. 221. Д. 206. Л. 97.
- ⁸ СПФ АРАН. Ф. 221. Д. 209. Л. 222 об.
- ⁹ Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 311. Л. 55 об.
- ¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 209. Л. 224 об.
- ¹¹ Там же. Л. 22 об.
- ¹² Там же. Л. 198–221.
- ¹³ Там же. Л. 225–226.
- ¹⁴ Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 311. Л. 62 об.
- ¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 209. Л. 332.
- ¹⁶ Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 311. Л. 62 об.
- ¹⁷ Архив Научной библиотеки ГМИР за 1952 г.

- ¹⁸ Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 311. Л. 77.
¹⁹ Архив ГМИР. Ф. 2. Д. 1310. Л. 11 об.
²⁰ СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. № 236. Л. 203.
²¹ Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 12.
²² СПФ АРАН. Ф. 221 Оп. 2. Д. 280. Л. 4.
²³ Архив ГМИР. Ф. 2 Оп. 1. Д. 1309. Л. 12.
²⁴ СПФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 280. Л. 7.
²⁵ Там же. Л. 9.
²⁶ Там же. Л. 12.
²⁷ Там же. Л. 15.
²⁸ Там же. Л. 20.
²⁹ Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1309. Л. 20.
³⁰ Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 315. Л. 6.
³¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-63-01001).